

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРМЯНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ

Л. А. САРАДЖЕВА

Для целостного представления о человеке определенной исторической эпохи важное значение имеет не только освещение его хозяйственной деятельности и форм общественного сознания (установлений права, власти, религии и т. д.), но и освещение эмоциональной и интеллектуальной сторон его жизни, особенностей восприятия и видения мира, присущего носителям культур, отдаленных от нас во времени и пространстве.

Между тем в индоевропеистике, начиная с трудов О. Шрадера и кончая трудами современных исследователей, эмоциональная и интеллектуальная сторона жизни индоевропейцев практически не была предметом специального изучения¹. В связи с этим исследование соответствующей части индоевропейской лексики, нашедшей свое отражение в армянской и славянской языковой традиции, будет представлять интерес не только для арменистики и славяноведения, но и для индоевропеистики вообще; оно даст возможность проникнуть во внутренний мир предков армян и славян и в конечном счете—во внутренний мир индоевропейцев, проследить формирование путей их познания мира. Каждая культура дает воспитанному внутри нее индивиду свой особый «экран понятий», на который он проецирует и с которым он сопоставляет свое восприятие внешнего мира². И эти экраны понятий отличаются друг от друга не только по содержанию, но и по структуре³.

Глубокое различие существует не только в предмете, но и в структуре современного и древнего «знания» и даже в самом харак-

¹ Обращаясь к истории вопроса отметим, что интерес к эмоциональной жизни человека возник в глубокой древности. В частности, индийская теория различает 3 категории чувств: постоянные (*stāyibhava*), преходящие (*vyābhicāri*) и непроизвольные (*sattvika*). Преходящие эмоции неглубоки, они проявляются ненадолго и исчезают, не затронув душу. Различались 33 вида преходящих эмоций: к ним относились, например, отрешенность (*nirvāḍa*), уныние (*glāpi*), тревога (*sattvika*), зависть (*asbūa*) и др.; непроизвольные чувства: слезы, поблдение, остоление.

Детерминативы (*vibhava*)—это те объективные условия, которые способствуют возникновению чувства или настроения. Таковы лица, к которым чувство проявляется, или обстоятельства, способствующие его появлению. Следствие (*anubhāva*)—это внешние проявления чувства. Постоянные же чувства заложены в человеке природой и лежат в глубине сознания, выражаясь в мимолетных преходящих эмоциях. Насчитывается 8 постоянных чувств, каждому из которых соответствует свое раса (настроение, переживание): любовь—эротическое раса (*śṅgara-rasa*), веселью—комическое (*hāsa*), печаль—патетическое (*karuṇa*), гнев—грозное (*raudra*), отвращению—отвращающее (*bībhatsa*), удивлению—волшебное (*adbhūta*). Цит. по диссертационной работе В. В. Аракеля «Особенности синтаксической структуры поэмы Калидасы «Облако-вестник», любезно предоставленной нам автором.

² А. М о л ь. Социодинамика культуры. М., 1973, с. 44.

³ Указ. соч., с. 44—45.

тере видения мира современного и древнего человека. Эти различия порождаются целым рядом социокультурных и экологических факторов. В частности, комплекс познаний древних обществ, в том числе и древних индоевропейцев, имел две стороны: с одной стороны, практические (промысловые) навыки и умения, с другой стороны, первоначальные, чрезвычайно примитивные попытки установления причинно-следственных связей в окружающем мире, отраженные в мифах, преданиях, легендах и т. п.

В зависимости от того, какую роль играют те или иные явления в жизни человека, они вызывают у него положительное или отрицательное отношение, выражающееся как во внешних действиях, поведении человека, так и во внутренних эмоциональных переживаниях.

Взаимосвязь со средой есть одновременно и процесс познания—установление все новых контактов между «я» и «не—я», обогащающих и расширяющих границы этого познания.

Для исследования лексико-семантических групп, отражающих эмоциональную и интеллектуальную жизнь человека, как и при исследовании других лексико-семантических групп, необходимо иметь точную методику анализа и определенные принципы классификации основных понятий, составляющих рассматриваемое гипермакрополе. В последнем случае можно опираться на богатый опыт, накопленный в идеографических словарях, с учетом однако древнейших представлений и понятий, относимых к эпохе общности. Имеющиеся идеографические словари являются попыткой создания упорядоченной системы лексики. Обычно выделяются три типа таких словарей.

Словари тезаурусного типа основываются на логико-философской классификации понятийных групп, реально представленных в лексике языка (Роже, Дорнзайф, Касарес и др.)⁴

Вторым типом идеографического словаря является аналогичный словарь. Создатели аналогичных словарей (Буассьер, Марч, Маке и др.)⁵, отказываясь от логико-философских классификаций, считают главной целью такую тематическую организацию лексики, в которой лексико-семантические группы располагаются в порядке следования тематических доминант (слов-центров) в алфавитном порядке.

Фактически аналогичным является новейший «Русский семантический словарь»⁶, созданный на основе автоматического семантического анализа. К сожалению, слова, включенные в статьи дескрипторов, не имеют строгой логической основы, необходимой для полного описания. Так для рассматриваемой нами области—семантической группы «чувство» (с. 547), с одной стороны, нет достаточного количества слов, способных охватить данную группу, с другой стороны, имеет место их избыточность (например, «революция»—следствие программной недоработки?—Л. С.).

Третьим типом является словарь учебного типа—тематический словарь, представляющий собой перечень тематически сгруппированных слов с переводом на один или несколько иностранных языков

⁴ P. M. Roget. *Thesaurus of English Words and Phrases Classified so as to Facilitate the Expression of Ideas and Assist in Literary Composition*. London, 1852; F. Dornseiff. *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. Berlin und Leipzig, 1834; J. Casares. *Dictionario Ideologico de la lengua espanola*. Barcelona, 1959.

⁵ P. Boissière. *Dictionnaire analogique de la langue française*. Paris, 1862; F. March. *March's Thesaurus analogique*. Paris, 1936; Ch. Maquet. *Dictionnaire analogique*. Paris, 1936.

⁶ Русский семантический словарь, М., 1983.

или (значительно реже) вообще без перевода (Чейн, Бондер и ван дер Кенкен, Лориш и др.)⁷

Однако несмотря на богатый материал, представленный в указанных идеографических словарях, ни один из них (в том числе и словарь индоевропейских синонимов К. Д. Бака) нельзя считать приемлемым для цели нашего исследования, поскольку имеющиеся классификации понятий исследуемой нами области не образуют достаточно строгой системы классификации.

Учитывая общую методику описания генетически общей лексики армянского, и славянских языков, нам представляется более целесообразным использование УЛМ (универсальной лингвистической модели), предложенной Г. Б. Джаукяном⁸ для описания любого лингвистического объекта. Здесь особенно важно отметить, что для понятий в исследуемой области применяются одни и те же признаки и категории. Между тем в указанных словарях, а также при компонентном анализе, как уже отмечалось исследователями⁹, каждый раз выделяется новый набор признаков и категорий. Не составляют исключения и работы по психологии чувств.

УЛМ дает возможность охватить «без остатка» все понятия на строгой логической основе, т. е. пролить свет на область, которая традиционно считается «смутной»¹⁰.

Исходя из принципов УЛМ и используя для характеристики психических явлений такой общий признак как знаковость—незнаковость, все психические явления можно представить следующим образом: сущностью знакового выражения согласно определению УЛМ является опосредованная причинность. Используя все шесть возможных проявлений термов категории причинности можно сказать, что на знаковом уровне 1) основной терм $\langle \rightarrow \rangle$ будет выражать знаковую причину, т. е. некоторый психический процесс как побуждение («стремлюсь»); 2) противоположный терм $\langle \leftarrow \rangle$ —знаковое следствие, т. е. некоторый психический процесс как следствие, т. е. чувства, эмоции, возникшие под воздействием причин («чувствую»); 3) средний терм $\langle \rightarrow \leftarrow \rangle$ —знаковое следствие, являющееся одновременно и причиной, т. е. некоторый психический процесс, являющийся принуждением для совершения какого-либо действия («надо, должен»); 4) совместительный терм $\langle \rightleftharpoons \rangle$ —совмещение знаковой причины, т. е. такой психический процесс, при котором и причина и следствие относятся к психической сфере (если..., то); 5) рефлексивный терм $\langle \cup \rangle$ —знаковую причину, обратимую как следствие, т. е. некоторый психический процесс, при котором у субъекта констатируется

⁷ G. J. Cheyn. *Classified Spanish Vocabulary*. Lnd. 1964; R. Bonder, G. J. van der Kenken. *All in one words, idioms, pitfalls and synonyms*. Zeitphen. Thieme (196—); L. Loriche. *Le mot in l'idée. Revision vivante du vocabulaire allemand*. Paris. 1965.

⁸ Г. Б. Джаукян. *Сравнительная грамматика армянского языка*, Ереван, 1983, с. 78—92.

⁹ Г. Б. Джаукян. Опыт анализа терминов родства на принципах УЛМ.—Известия АН СССР, 1982, № 1; Л. А. Сараджева. Сб.: Очерки по сравнительной лексикологии армянского языка. Ереван, 1983, с. 157.

¹⁰ Ср. с высказыванием G. Verget. «По сущности своей чувство—понятие смутное, расплывчатое, предполагающее сложную систему внутренних и внешних корреляций, на которые влияют разные культурно-исторические факторы». G. Verget. О названиях чувств в русском и французском языках.—IX Международный съезд славистов. Резюме докладов и письменных сообщений. М., 1983, с. 133.

осуществимость или неосуществимость определенного побуждения («можно»); 6) нейтральный терм < > — знаковую нейтральность — нейтральное психическое отношение к чему-то («все равно»).

Исходя из общепринятых терминов, можно характеризовать эти процессы как: 1) побуждение; 2) чувства и эмоции; 3) необходимость (долг, долженствование); 4) мышление (суждение); 5) возможность (психическая реакция); 6) душевная нейтральность — с положительным и отрицательным оттенком. В соответствии с вышеизложенным мы выделяем следующие макрополя:

I Побуждение 1.11 воля (желание, хотение...) 1.12 надежда (вера, чаяние, упование) 1.13 дерзание (сметь) 1.21 любовь (приятный, счастливый) 1.22 почитание (читать, уважать) 1.23 благодарность 1.24 прощение 1.31 ненависть 1.32 презрение 1.33 зависть 1.331 ревность 1.34 злоба 1.41 приказ (увещание) 1.42 прославление 1.5 порицание (осуждение)

II чувство (чувствовать), страсть, эмоция, аффект 2.1. страсть 2.21 пристрастие (симпатия, нравиться) 2.22 радость (веселье) 2.33 счастье 2.24 гордость 2.25 храбрость 2.26 стыд 2.27 удивление (изумление) 2.31 отвращение (неприятное) 2.32 печаль, горе, скорбь 2.33 беда (несчастье) 2.34 надменность (чванство, заносчивость) 2.35 страх (боязнь, опасение, тревога) 2.36 срам 2.37 удивление (отрицательное) 2.41 смех (хохот) 2.42 улыбка 2.51 страдание 2.52 вздох 2.53 слеза 2.54 стон 2.55 плач (рыдание, вопль) 2.56 хвастовство

III долг 3.11 хорошее 3.12 доброта 3.21 плохое 3.22 злое 3.31 забота 3.32 свобода 3.41 чествовать 3.42 необходимость (надо)

IV мысль (мышление) 4.11 дума (думать, понимать) 4.12 суждение 4.13 мнение 4.21 знание 4.22 ум (разум) 4.23 истина (верность, явность) 4.31 сомнение 4.32 глупость 4.33 ошибка 4.41 утверждение (согласие) 4.42 мудрость 4.43 правда 4.51 отрицание (отказ) 4.53 обман

V реакция 5.11 возможность (можно) 5.12 умение (мочь, умелый) 5.21 невозможность 5.22 неуклюжесть (неумение) 5.21 активность 5.3 пассивность (лень)

VI душевная нейтральность (покой) 6.1 сдержанность (хладнокровие) 6.2 апатичность (равнодушие)

Рамки журнальной статьи не позволяют нам привести весь материал, выявляемый в процессе исследования, поэтому ограничимся наиболее характерными примерами.

Арм. еղիպիկ «счастливый», еղեղի «счастливый», «блаженный» — прасл. *prijati «показывать расположение, любовь, относиться благожелательно», *prijetъ «приятный», *prijatelj «друг», *prijazнь «дружба», при греч. πρῆξις, πρᾶξις, πραῖς «кроткий, мягкий», лтш. priëks «радость», др.-инд. priyās «дорогой, достойный», priyate «удовлетворен», priñate «радует», авест. «дорогой, любимый», гот. friuþ «любить», friþatha «любовь», friþonds «друг», др.-в.-нем. friunt то же, совр. нем. Freund «друг» и т. д. (и.-е. *prij-, *prij- «быть расположенным, любить, жаловать»; прил. *prijos «милый, дорогой, любимый»). Как видно из приведенных примеров, в армянском и славянском ярко выражен положительный, эмоциональный характер индоевропейского корня, соотносимого с такими оттенками чувств, которые связываются с благорасположением, симпатией, любовью. В славянском, индийском и германском слово, обозначающее первоначально отношения приязни между людьми, приобретает, в отличие от армянского, и социальную

значимость (ср. прасл. *priatelj „друг“, *prijazнь „дружба“, др.-инд. priya „дорогая и супруга“, гот. friuþn „любить“ и freis „свободный“, аналогично валл. rhydd < и.-е. *prlyos).

В армянском, наряду с эмоциональным значением «счастливый», развилось и значение «блаженный», которое относится к религиозной сфере.

По структурному признаку—наличию суффикса в именных образованиях—следует объединить армянский, славянский и германский, в противоположность греческому, балтийскому и индо-иранскому.

Арм. диал. (евдок.) k'erp'em „мучить, угнетать“—прасл. *skrběti „скорбеть“, ст.-сл. *Скръбѣти*, болг. *скръбя'* „скорблю“, ст.-сл. *Скръвъзъ*, болг. *скръб* „скорбь“, сербх. *скрб* „забота“, словен. *skrb*, рус. *скорбеть, оскорбить*, укр. *скорбити* „причинять горе“, при лит. *skurbti* „печалиться“, *skurbē* „горе“, лтш. *skūrbt, skurbstu* „хмелеть, терять сознание“, др.-в.-нем. *scīrbi*, ср.-в.-нем. *scherbe* „черепок“, др.-англ. *sceorfan* „грызть, кусать“, греч. *κρίψω* „заставляю съезживаться“, др.-исл. *scorgr, scagr* „высохший, сморщенный“ (и.-е. *(s)ker- „сморщиваться, шероховатая кожа, струп, кора“).

Как в армянском, так и в славянском следует отметить одинаковый семантический переход от чисто физических понятий к понятиям, выражающим эмоциональные переживания; наиболее близкие связи обнаруживаются между армянским и восточно-славянским языками (ср. значение *оскорбить* в русском и «причинять горе» в украинском). Учитывая диалектный характер арм. k'erp'em, следует, по-видимому, предположить и наличие одинакового детерминатива.

По развитию исходного индоевропейского значения следует выделить армяно-славо-балтийский ареал, в противоположность греческому и германскому, где индоевропейское значение остается без изменений.

Арм. *keŕerĭ* „боль, жалоба“, *keŕ* „рана, язва“, *keŕem* „мучить“—ст.-сл., др.-рус. *желя* „жалоба, плач“, болг. *жал* „горе, скорбь“, сербх. *жао* „жаль, жалко“, словен. *žal*, род. п. *žālī*, чеш. *žal* „печаль“, польск. *żał* „горе, печаль, скорбь“, в.-луж. *žel*, н.-луж. *žal* в том же значении; прасл. **žaliti* „жалить“, **žaleti* „жалеть“ и их слав. соответствия, ст.-сл. *жаль* „гробница“, польск. *žale* и *žalnim* „могилы“, при лит. *gėla* „ломота, боль, горесть“, *gėlti* „болеть, ломить, жалить“, *Giltinė* „богиня смерти“, лтш. *dzelt* „жалить, кусать, язвить“, прусс. *gallan* „смерть“, др.-англ. *swellan* „умирать“, др.-сакс. *quelan* „испытывать боль“, н.-в.-нем. *Qual*, нем. *qualen* „мучить“ и т. д. (и.-е. **guel-* „колоть, боль“).

Как в армянском, так и в славянском первоначальное и.-е. значение, выражающее чисто физическое ощущение боли, трансформируется в «психическое», находящее свое отражение и в языковом преломлении (ср. арм. *keŕerĭ*, ст.-сл., др.-рус. *желя*). Славянские примеры в этом отношении—обильный материал, поскольку являются олицетворением скорби, страданий, концентрированно связанных с идеей смерти (ср. ст.-сл. *Жаль* «гробница»), в других индоевропейских языках и.-е. **guel-* также находит свое отражение в словах, передающих идею смерти, убийства, мучений, страданий, физической боли. Весьма показательно с точки зрения древнейших представлений,

что в приведенных примерах «боль, страдание и смерть» непосредственно связываются с идеей «жаленья, укола» (ср. ст.-сл. *Жело* «жало» < *gel-dhlo по диссимиляции, лит. *gėlti* «колоть, жалить», *geluonis* «жало» и т. д.)

Древняя индоевропейская огласовка «е» сохранилась, помимо армянского и славянского, также в балтийском и германском.

Арм. *hart* 'путь' «вскочить от испуга, испугаться», *spardim* «побледнеть от испуга», ст.-сл. *Предати* «прыгать, скакать», *Въспренути* «воспрянуть, вскочить», сербх. *прѣдати* «бояться», рус. *прянуть* «вскочить, резко отодвинуться», укр. *прянути* «кинуть», блр. *прянуць* то же, при греч. *σπερχειν* «торопиться», лит. *sprūsti*, др.-в.-нем. *springen* «прыгать» и.-е. (*s)pr̥dh-/*(s)p(h)er̥d(h)- «прыгать»).

Сравнение армянских и славянских параллелей выявляет весьма интересные связи: в двух языковых группах можно проследить все звенья развития первоначального индоевропейского значения: «прыгать, вскочить» → «вскочить от испуга, побледнеть от испуга» → «испугаться, бояться», причем в славянском представлены крайние звенья: «вскочить» и «бояться», в армянском — промежуточное и крайнее: «вскочить от испуга, побледнеть от испуга, испугаться». Наибольшая близость в семантическом отношении наблюдается между армянским и из славянских — сербохорватским. Весьма знаменательно, что армянский разделяет со славянским две важные структурные черты: наличие нулевой огласовки и суффикс *-пи-, который представлен в арм. презенсе *hart'pimp* и в славянских инфинитивах: *прянуть, въспренути*. Основу на *-пи- имеют преимущественно глаголы, обозначающие телодвижение. Таким образом, в армянском и славянском сохранилась своеобразная диалектная черта, что дает основание констатировать эксклюзивную армяно-славянскую изоглоссу.

Арм. *iam* «плакать» — прасл. *plakati «плакать» перен. зн. «бить себя в грудь» (ст.-сл. *плакати*, болг. *плача*, сербх. *плакати, плачати*, словен. *plākati*; др.-рус. *плакати(ся)*, рус. *плакать*, укр. *плакати*, чеш. *plākati*, словц. *plakat'*, польск. *plakas'*, при лит. *plakti, plakiū* «колотить, сбивать», *plokis* «удар», лтш. *placīnāt* «наводить, точить, отбивать», греч. *πλάζω*, (*plāk|ō) «бью, поражаю», лат. *plango* «бить себя в грудь», громко сетовать», ирл. *lēp* «стенание» (*plakno), др.-в.-нем. *fluohnōn* «проклинать, ругаться», гот. *faiflōkum* «оплакивали» (и.-е. *plak- < *pelə:/*plā- «бить»).

Развитие исходного и.-е. значения «бить» выявляет весьма любопытную семантическую картину. Наиболее близкие связи обнаруживают армянский и славянский. К ним примыкает германский (готский), далее идут латинский и кельтский. При этом в славянском и латинском представлено промежуточное звено — «бить себя и грудь», в армянском, славянском и готском — крайнее — «плакать». Следует отметить и то обстоятельство, что ни в греческом, ни в балтийском и.-е. *plā-k не получило эмоциональной окраски.

В структурном плане армянский стоит особняком, противопоставляясь другим языкам отсутствием детерминатива.

В рассматриваемом лексико-семантическом макрополе следует указать и на древнейшее ономотопозитическое образование в обозначении хохота: арм. *хахапк'* «хохот» — прасл. *chochotati (ст.-сл. *Хохотати*, рус. *хохотать*, чеш. *chochtati* и т. д. во всех славянских), при

греч. $\chi\alpha\chi\alpha\zeta\omega$ „громко смеюсь“, лат. *sachinnō* в том же значении, *sachlnus* „хохот“, др.-инд. *kákhatī* „смеется“.

Характерной особенностью приведенных примеров является сохранение древнейшей индоевропейской словообразовательной модели с редупликацией. Как мы отметили ранее, подобные слова представляют собой фрагмент индоевропейского просторечия, их характеризует особая выразительность и эмоциональная внутренняя форма, свойственная словам разговорного языка.

Арм. *gitem* „знать“, *gēt*, *gitak*, *gitun* „знающий“, наряду с *gtanem* „находить“, аор. *egit* „нашел“ — прасл. перф. **vēdě* наст. вр. **věть*, инф. *vēděti* „знать“, наряду с **vidēti* „видеть“, при греч. $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha$ „знаю“, (F) $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha$ „знаю“, $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\nu$ „увидел“, (F) $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha\iota$ „увидеть“, гот. *witan* „наблюдать, смотреть“, *walt* „я знаю“, др.-в.-нем. *wizzan* „знать“, лат. перф. *vidī* „увидел“ (= прасл. **vēdě*), др.-прусс. *waidimal* „мы знаем“, лит. *vėizmi* „вижу“, др.-инд. *vēda* „знаю“, *vindati* „находить“ (ср. с арм. *gtanem*) (и.-е. **u(e)idi-* „замечать, видеть“, перф. **uoida(i)-* „увидел“, также „знать“).

Все развития исходного индоевропейского значения «замечать, видеть» можно разделить на следующие группы: 1) только значение «видеть»; 2) только значение «знать»; 3) «знать и видеть», 4) «знать и находить».

1) Только чувственное значение *видеть* представлено в двух языках: латинском и литовском. 2) Духовное значение *знать* представлено в древнепрусском и древневерхнемецком. 3) Славянский, греческий и германский имеют как значение *видеть*, так и значение *знать*. 4) Армянский и индийский имеют значение *знать* и *находить*. Как видно из приведенного материала, даже в пределах одной языковой группы значения распределяются неодинаково (ср. лит. и др.-прусс., гот. и др.-в.-нем.).

В структурном плане арм. *gitem* и прасл. **věть* представляют большой интерес с той точки зрения, что здесь представлена древнейшая форма индоевропейского перфекта, выражающая состояние, наступившее в результате действия: напр., арм. *gitem*, прасл. **věть*, греч. $\sigma\acute{\iota}\delta\alpha$ и др.-инд. *vēda* обозначали «я знаю, потому что увидел». При этом и армянский и славянский преобразовали перфектную форму в форму настоящего времени, сохраняя среднюю степень аблаута **oi*, характерную для и.-е. перфекта. Следует особо подчеркнуть тот факт, что на славянской почве это единственный случай отражения индоевропейской перфектной основы, а в армянском индоевропейский перфект представлен единичными примерами. Таким образом, в этих двух группах сохранились в преобразованном виде реликты исходного соотношения, существовавшего до становления тех впо-временных систем, которые были характерны в отдельности для армянской и для славянской диалектных областей.

Арм. *isk* „истина“, „существенный, правильный“, наряду со *stoyg* „истинный, справедливый, правдивый“ — прасл. **jьstьjь*, **jьstovъ*; **jьstina* „истинный, подлинный; правильный, настоящий“; „истина“ (ст.-сл. *Исть*, *Истовъ* «истинный, сущий», *истина*, болг. *ист* «истый, подлинный, сербх. *истй* «истинный, тот же самый», словен. *istī* «тот же самый», рус. *истый*, *истовый*, «настоящий, верный, подлинный», чеш. *jistý* „определенный, верный, надежный“, польск. *histy*, *lst* „верный, уверенный, тот же самый“, при лит. *īsts*, *īstens* „явный, ясный“,

уճիւս «ясный», лтш. ūskus «настоящий, истинный», герм. Istaevones — название др.-герм. племенного союза (Tacitus. Germ. 2), хетт. iṣtanpa «душа» (и.-е. *es- «быть, существовать»).

В семантическом отношении армянский и славянский обнаруживают исключительную близость, входя в единое микрополе.

Арм. baḡ «хороший», baḡi-k' «добро», baḡvo-k' «хороший, лучший», baḡe-beg «несущий добро», при begem «нести», — прасл. *berǫ, *bǫratī «братъ, собирать» (ст.-сл. *Беро, Брати*, болг. *бера* «собирать, (плоды)», сербх. *брати, берем* «собирать, срывать (плоды), братъ», «жать (хлеб)», словен. *berem, brati* «собирать (урожай), братъ», др.-рус. *брати*, рус. *братъ, беру* «братъ, собирать, захватывать (руками); завладевать, завоевывать, получать что-либо в свое обладание»; ст.-укр. *брати* «братъ, принимать; набирать, собирать; вступать в брак», блр. *брацъ* «братъ», чеш. *bratī* «братъ, отбирать, отнимать, воровать, красть», *bratise* «вступать в брак», словац. *brat'* «братъ, собирать, отнимать, лишать, красть»; «вступать в брак», польск. *brat* «братъ» и т. д.), при греч. *φείστος* «лучший», алб. *mbarë* «хороший, счастливый», др.-в.-нем. *boḡ* «очень», др.-англ. *baḡ* «очень» (*baḡ-wirdig* «весьма достойный»), лат. *fors, fortuna* «удача, богатство», др.-инд. *bhāgas* «добыча» (и.-е. *bher- «нести»; «урожай»).

В армянском из первоначального значения «нести» совершается переход в духовную (морально-этическую) сферу с положительной оценкой: «хороший, лучший, добрый; добро». Аналогичное развитие значения имеет место в греческом, албанском и древнеанглийском. Переходное значение можно, по-видимому, проследить в индийском *bhāgas* «добыча» (ср. арм. *baḡe-boḡ* «несущий добро» и лат. *fors, fortuna* «удача, богатство»). Следует отметить, что славянский сохраняет древнее значение «нести», совпадающее с арм. *berem* «нести» и *berp* «ноша» только в формах **bermę* «ноша, бремя» и **berdja* «беременная» — носящая (в чреве).

В структурном отношении интересно отметить наличие всех трех ступеней огласовки корня в славянском и армянском, хотя они имеют различную структурную нагрузку: так, к примеру, нулевая огласовка, выступающая в арм. *baḡi* (где *ar* < **ɣ* или **ɣ̃*), в славянском встречается в глагольных формах.

Обратное соотношение в развитии значений наблюдается в следующем случае: прасл. **dobrǫ(j)* «добрый», а также субстантивированное **dobro* «добро, благо» (ст.-сл. *Добръ* «добрый, хороший, прекрасный», болг. *добър*, прилаг. «хороший, добрый», сербх. *добар, добра* «хороший», словен. *dober, dobra* «хороший», порядочный, немалый; добрый, добропорядочный», др.-рус. *добрый* «хороший, доброкачественный; хороший, благой», рус. *добрый* «относящийся к людям с расположением», «проникнутый сочувствием к ним (противопологается злему), ничем не опороченный, безукоризненный, безупречный, благоприятный, доброкачественный», диал. (калуж.) «умный, дельный, полезный», укр. *добрий*, -а, -е, «добрый, благой», блр. *добры* «добрый», чеш. *dobrý* «хороший, добрый, добропорядочный»; диал. *dobrej* «подходящий», слов. *dobrý* «хороший, добрый, добропорядочный», польск. *dobry* в том же значении и т. д.) — арм. *darbın* «кузнец», перв. «мастер, творец, умелец», при лат. *faber* «ремесленник, который работает

с твердыми материалами" (и.-е. *dhabh- „прилаживать, подходящий"). Среди продолжений данного корня в плане интересующей нас семантической сферы следует особо выделить славянский материал, в котором опорное значение и.-е. *dhabh- претерпело семантическую инновацию, выразившуюся в переходе от сферы физической деятельности в сферу моральных понятий с полным забвением первоначального значения «прилаживать».

Латинский и армянский развили первоначальное значение в одинаковом направлении, которое стало обозначать «мастера, умельца и далее кузнеца, ремесленника» (букв. «прилаживающего, делающего какое-то дело»).

В структурном плане следует констатировать наличие суффикса *-г-, характерного как для армянского и славянского, так и для латинского. Однако при этом следует учесть существующее предположение, допускающее для славянского *dobъ гетероклитическую основу на *-г/п (и.-е. *dhabhḡnos). Как известно, это предположение основывается на восстановлении для прасл. *doba „пора, время", праформы *dhabhōg по типу *uedōr > прасл. *voda (ср. с гот. gadaban „подходить, подовать"). Если это предположение правильно, то в армянском, возможно, совмещаются два суффикса в одной парадигме, как это имеет место в прасл. *sъlpъse, отражающем и.-е. *sauel/*supes и арм. gaḡup „весна" < и.-е. *uesḡ, род. п. *uesnes с контаминацией прямого падежа на *-г и косвенного на *-п. В этом случае армянский и славянский сохранили следы архаического чередования *-г/п.

Арменисты обычно не учитывают возможности восхождения daḡbip к и.-е. *dhabhḡnos, восстанавливая для арм. слова дополнительный суффикс -п. Таким образом, славянский материал дает возможность считать *п первичным, а не вторичным.

Прасл. *sešty „умный" (ст.-сл. *Сешть*)—арм. ɛnt'anam (<*sentā-pā-mi) „бежать, быстро идти", при апс'анем, аор. e-anc' (<*snt-s-et) „проходить", ɛnt'ac' „дорога, путь", при лит. siustū, siunčiū „посылать", sentē'ti „мыслить", лтш. sutu, sutīt „посылать", авест. hant „достигать", др.-англ. slđ „дорога, путь", др.-в.-нем. slnd то же, др.-в.-нем. sinnep „смысл", совр. нем. sinn, др.-в.-нем. sinnan „стремиться, сильно хотеть", др.-исл. sinn, sinni „путь", кельт. *sīt „дорога", лат. sentio, -ire „чувствовать, ощущать, воспринимать"; sensus „чувство, ощущение, смысл, понятие", sententia „мнение, взгляд, высказывание, смысл" (<и.-е. *sent- „направляться, идти (путь); чувствовать, воспринимать").

Для реконструируемого индоевропейского корня восстанавливается два круга обозначений—физическое и духовное, т. е. с одной стороны, «передвигаться, достигать, посылать» и «передвижение, путь», и с другой—«чувствовать: ощущать, воспринимать, мыслить; душевно стремиться, хотеть» и «чувство, смысл, ум» (ср. слав. *sešty).

При этом обозначения физического движения представлены в армянском, авестийском и кельтском; только духовное значение имеют славянский и латинский; физическое и духовное—балтийский и германский.

В языках, развивших духовное значение, выявляются многогранные связи с объективной реальностью: слова имеют целевой, активный,

творческий характер. Интересно также отметить, что развитие значений, связанных с процессом мышления, построено на основе пространственных представлений, которые через посредство времени приобретают абстрактный характер.

В структурном отношении армянский и славянский не обнаруживают особой близости, выявляя лишь корневую общность; при этом в армянском представлены и глагольные и именные образования, в славянском — только именные.

Арм. *imapat* „понимать, знать“, *imast* „понятие, значение“, *imastun* „понимающий, знающий, мудрый“ — прасл. **jьmъ*, **jetl*, **jьmatъ*, **jьmati* „хватать, схватывать, ловить, собирать“, ст.-сл. *Ети*, *Имо*, *Имети*, сербх. и чакавск. *jѣти*, словен. *jeti*, рус. диал. *ять* (*иму*), рус. *иметь*, *имею*, укр. *мати* (*маю*), блр. *мець* (*мею*, *маю*), ст.-чеш. *jmieti*, *imieti*, *jmām*, словц. *mat'* (*там*), польск. *imieć* (*imam*, *mat*); н.-луж. *měś* (*там*), в.-луж. *měś* (*там*) и т. д., от прасл. **jьmъ* в польск. *rozumieć* „понимать“, *rozumieć* „понятие“, остальные славянские сохраняют исходное значение; при др.-прус. „брать“, лит. *imti* (*imū*, *ėmti*), лтш. *ieņt* (*jetu*), *jeņi*, а также *pēmt*, лат. *emō* (*ēmī*; лит. *emlaū* (*jemptum*), др.-ирл. *arfoem* „брать, хватать“. В качестве более широкого фона уместно иметь в виду и и.-е. **nem* (гот., др.-сакс., др.-англ. *niman*, др.-исл. *nima* и др.)

Если верна предложенная Г. Б. Джаукяном этимология арм. *imapat*, то *ad hoc* имеется интересное развитие исходного и.-е. значения, как и в случае **sept-* от физического к духовному: охватывать (физически) → схватывать духовно, понимать, узнавать (ср. рус. *понимать*, чеш. *chapat*, словц. *chapat'* „понимать“, при прасл. **chapati* „брать, хватать“).

В пользу приведенной этимологии армянского слова говорит и аналогичное развитие значений в польском, при сохранении исходного значения в других славянских языках.

В структурном плане между сравниваемыми языками можно констатировать лишь корневую общность: в армянском глаголе имеется суффикс *-па-, а в приведенных славянских формах можно констатировать наличие других основ, в частности, основы на *-ā; прасл. **jьmatъ* (**jьmati*), при *-е (ср. ст.-сл. *Имавь*: *Имѣти*), а также основу корневого аориста: прасл. **jьmъ*, аор. **jetъ* (<**ent*), ср. с прус. *imta* „взял“, лит. *ima*, *ēmē*, *imti*.

Если не касаться социальной значимости слов и иметь в виду только языковое выражение, то здесь можно отметить также следующие армяно-славянские параллели, одна из сравниваемых сторон которых входит в пределы рассматриваемого макрополя: 1) прасл. **svoboda* от и.-е. **swē* «свой» как обозначение, противоположное таким, как «надо, должно» — значение действия самого по себе, без принуждения, не ограниченного запретами, наряду с арм. терминами родства: *k'eti* «дядя по матери», *k'epi* «свояченица» от и.-е. **swē*. В действительности и армянские и славянские формы имеют ярко выраженный социальный характер: в славянском «свой» обозначало «своего человека» (ср. *свояк*, *свояченица*, *свесь*, *сват* и т. д.), принадлежащего к своей группировке так же, как и арм. термины родства, производные от **swē*.

Арм. *ban* „речь, разум“ (<*bha-ni) при *baḡ* „слово“, *baḡ* „слово, высказывание, глагол“, *bat* „говорить“—прасл. *baŕq* „говорить, рассказывать; колдовать, заговаривать, исцелять“ (и.-е. *bha- „говорить“). Таким образом, в армянском на основании значений «говорить, слово» развилось значение «разум», между тем как в славянском так же, как и в других языках, подобного развития значений не наблюдается.

Характер армяно-славянских схождений по рассматриваемым макрополям весьма показателен с точки зрения становления человеческих взаимоотношений. В частности, в макрополе «чувство» представлена вся гамма эмоций как положительных, так и отрицательных, свидетельствующих о том, что в эпоху общности существовали весьма тонкие отношения между людьми. Очень важно, что уже тогда сложились такие морально-этические понятия как «любовь», «дружба», «добро» (ср. *k'el—«лежать; стоянка, лагерь»>арм. *seḡ* «любовь», др.-англ. *hēorfe* „дружественный“, др.-сев. *hūgg* „дружественный, приветливый“, при прасл. *sětiŭa „семья“; и.-е. *prai-, *prī- „быть расположенным; любить, жаловать“>арм. *crġanik* „счастливый“, прасл. *prijaznъ „дружба“, гот. *frīōn* „любить“, и.-е. *dhabh- „прилагивать“>прасл. *dobro „добро“, *dobrъ* „добрый“, при арм. *darbīn* „умелец, мастер“; и.-е. *bheg- „нести“>арм. *baḡl* „хороший“, *baḡl-k'* „добро“, при прасл. *berq, *bьraŭl „братъ“ и т. д.)

Армяно-славянские параллели в макрополе «мысль» (мышление) свидетельствуют о том, что сознание индоевропейца было совсем не чуждо правильным представлениям и реальной логике, отражающей хотя бы приближенно естественную связь явлений. В этом отношении весьма показательны те ключевые понятия, которые легли в основу обозначений, связанных с процессом мышления. Так, в основе арм. *gitem* и прасл. *vĕdĕti „знать“ лежит и.-е. *u(e)di- „замечать, видеть“. Эти слова по своему содержанию сходны с известным афоризмом Эпихарма „*νοῦς οὐρανοῦ, νοῦς ἀνθρώπου*“ „Разум видит и разум слышит“ (ср. др.-рус. *чѣти* „слышать, ощущать, знать“). Семантическое развитие от представлений, связанных с деятельностью человека (в частности, с деятельностью манипуляционного характера), до умственного понимания (охвата мыслью) содержится в армянском *mapam* „понимать“, польск. *pojęcie*<*em- „брать, хватать“ и др.

Общее положение, что сущность каждого отдельного элемента определяется его отношением к другим элементам действительности, следует понимать в значении как пространственном, так и временном. Как нельзя лучше это положение выявляется в формировании понятий, связанных с мыслительной деятельностью, отражающих в своих истоках пространственные представления (ср. и.-е. *sent—«идти; чувствовать, воспринимать»>прасл. *seŭti „умный“, лат. *sententia* „мнение, взгляд, высказывание, смысл“, при арм. *ant'anam* „быстро идти, бежать“), и т. д.

Среди армяно-славянских параллелей дифференцируются 10 единиц, имеющих общие структурные признаки, при 15, имеющих только корневую общность. Из древнейших структурных совпадений, восходящих к эпохе общности, следует отметить: во-первых, отражение древнего и.-е. перфекта в арм. *gitem* «знать» и прасл. *vĕmъ с сох-

ранением средней ступени аблаута *oi; во-вторых, отражение древней н.-е. редупликативной модели в арм. хахапк' „хохот“ и прасл. *chochotъ; в-третьих, возможное отражение гетероклитической основы на *-г/п- в прасл. *dobъ и арм. darbin.

В ареальном отношении среди рассматриваемых схождений преобладают общеиндоевропейские изоглоссы, составляющие 14 единиц. 7-ью единицами представлены групповые изоглоссы, 4-мя единицами — составляющие армяно-славянские эксклюзивные изоглоссы; в частности, армяно-славянские эксклюзивные изоглоссы отражают следующие понятия: арм. диал. k'egr'etn „мучить“, прасл. *skъrběti „скорбеть“, рус. „о-скорбить“, укр. скорбити „причинять горе, боль“, арм. hart'num „вскочить от испуга, испугаться“, сербх. предати „бояться“, арм. isk „истина, правильный“, stoyr „истинный, справедливый“, прасл. *jьstьjь, *jьstovъ в том же значении; арм. lash „плакать“ и прасл. *plakati.

Из индоевропейских корней, послуживших основанием для формирования обозначений психических процессов и психических понятий, по данным армяно-славянских генетических схождений отметим следующие: 1) связанные с деятельностью человека (с действиями манипуляционного характера); *bher-, *dhabh-, *em- и др.; 2) с перемещением и положением в пространстве: *sent-, *k'el- и др.; 3) относящиеся к функции тех или иных чувственных анализаторов: *k'leu-, *u(e)ld-, *(s)keu- и др.; 4) с процессом речи: *bhā- и др.

В отношении внешнего проявления психических процессов следует сделать общий вывод о том, что армяно-славянские параллели отражают, с одной стороны, их чисто физическое свойство (ср. плакать, рыдать, смеяться) и, наконец, языковое выражение (увещевание, проглавление, порицание и т. д.).

На основании проведенного анализа видно, как осуществляется контакт «я» и «не-я»: армяно-славянские схождения, относящиеся к духовной сфере, выявляют, с одной стороны то, в каком отношении они находятся к языку как инструменту сенсуальной и рациональной интерпретации мира, а с другой стороны, к языку в его прагматической функции.

ՀՈԳԵԿԱՆ ՈՒՈՐՏԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԵՎ ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ ՆՇԱՆԱԿՈՒՄՆԵՐԻ ՀԱՄԵՄՍԱԿԱՆ ՌԻՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵԹՈԴՆԵՐԸ ԵՎ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

1. Ա. ՍԱՐԱԶՅԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ո ի մ

Հոդվածում շարադրվում են հոգեկան աշխարհի հայ-սլավոնական նշանակումների համեմատական ուսումնասիրության մեթոդները և արդյունքները: Հնդհանրական լեզվաբանական կադապարի հիման վրա տրվում է իմաստային տվյալ դաշտին պատկանող հասկացությունների դասակարգումը, առանձնացվում են ենթադաշտեր, համեմատության մեջ են դրվում ենթադաշտերում ընդգրկված հասկացություններն արտահայտող բառերը և որոշվում ինչպես ընդհանուր, այնպես էլ պակասող օղակները:

Այս բոլորի հիման վրա արվում են արտալեզվական եզրակացություններ: